

УДК 32. 001

Горбаченко М.В.

*Московский государственный гуманитарный университет
им. М.А. Шолохова*

НЕКОТОРЫЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИТОГИ «ПОСТКОММУНИЗМА 1990-х ГОДОВ» В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ*

M. Gorbachenko

*Moscow State Humanitarian University
named after M. Sholokhov*

SOME IDEOLOGICAL AND POLITICAL RESULTS OF «POSTCOMMUNISM OF THE 1990S» IN COUNTRIES OF CENTRAL-EAST EUROPE

Аннотация. В статье подводятся некоторые идеологические и политические итоги «посткоммунизма 1990-х годов» в странах Центральной и Восточной Европы. Появление термина «посткоммунизм» связано с либеральной трактовкой демократической трансформации политических систем в странах бывшего советского блока. Под воздействием «посткоммунизма» 1990-х годов изменилось отношение людей к власти. Одним из последствий «эпохи посткоммунизма 1990-х годов» в странах Центральной и Восточной Европы является дефицит социальной справедливости.

Ключевые слова: «посткоммунизм 1990-х годов», страны Центральной и Восточной Европы, партийные системы, партизация политики, политический клиентизм.

Abstract. In this article some ideological and political results of «postcommunism of the 1990s» in the countries of Central and Eastern Europe are summed up. Occurrence of the term «postcommunism» is connected with liberal treatment of democratic transformation of political systems in the countries of the former Soviet block. Under the influence of «postcommunism» of the 1990s the relation of people to the power changed. One of the consequences of «an epoch of postcommunism of the 1990s» in the countries Central and Eastern Europe is deficiency of social justice.

Key words: «Postcommunism of the 1990s», countries of Central and Eastern Europe, party systems, participation of politics, political clientism.

Сегодня в некоторых странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), в частности, в Польше, Чехии, Словакии, Венгрии заметно снизились темпы социально-политического развития этих государств. Мощный поначалу импульс политической модернизации 1980–1990-х гг. иссяк. Возродилась дискуссия о сущности «посткоммунизма», подходах к его изучению.

О термине «посткоммунизм». Появление термина «посткоммунизм» связано с либеральной трактовкой демократической трансформации политических систем в странах бывшего советского блока. Большая часть исследователей восприняла «посткоммунизм» как возможность развития по образцу западных демократий. Меньшая часть усматривала в развернувшейся трансформации регресс, предрекала странам экономическое отставание и прозябание на обочине мировых политических процессов [2, 24-25].

Первоначально «посткоммунизм» рассматривался как относительно короткий исторический период, отделявший господство авторитарной коммунистической власти от торжества демократии.

Некоторые исследователи видят два наиболее ранних значения «посткоммунизма». Первое

* © Горбаченко М.В.

связано с тем, что названный термин означал систему, еще не сформировавшуюся до конца. Второе значение термина связано с некой негативной окрашенностью, акцентированием связи посткоммунизма со всем тем, что было в прошлом, в эпоху коммунизма.

Сербский исследователь С. Стоянович указывает, что посткоммунизм – это смешение коммунизма, докоммунистических укладов и капитализма [10, 51]. Его своеобразие в каждой стране, по мнению названного ученого, определяется сочетанием двух переменных: степени удаленности от коммунизма и степени переноса докоммунистического уклада. Тем самым подчеркивается некоторая историческая обусловленность посткоммунизма и необходимость описания его как процесса трансформации.

Постепенно составилось представление о наличии различных фаз и стадий посткоммунистических преобразований: за демонстрацией системы автократического правления следует фаза перехода к демократической политической системе; за конструированием новых форм правления – стадия налаживания «эффективного функционирования демократического режима», «отстраивание оптимальной деятельности демократического политического порядка» [16].

Каковы же основные идеологические и политические итоги «эпохи посткоммунизма 1990-х гг.» в странах Центральной и Восточной Европы?

Под воздействием «посткоммунизма» 1990-х гг. изменилось отношение людей к идеологии.

Российский исследователь Л.Г. Фишман, рассматривая эволюцию понятия «идеология», приходит к выводу о его сближении по внутреннему содержанию с политическим мифом [13]. По его мнению, идеология и миф приобретают вид системы идей и символов, необходимых для функционирования и воспроизводства социальных институтов.

Другой отечественный исследователь, Н.И. Шестов, выступает против сближения этих понятий, считая, что оно может завести исследователя в методологический тупик;

следует различать миф и идеологию, не отрицая логической связи их содержания: «в общем плане социально-политический миф можно определить как устойчивый и эмоционально окрашенный стереотип восприятия политических реалий прошлого и настоящего, порожденный потребностью ориентации личности и общественных структур в политическом процессе» [14, 79].

Вероятно, идеология времен посткоммунизма в значительной мере эксплуатирует мифы и стереотипы, но выступает в качестве самостоятельного социально-политического явления [3, 346-364].

Для посткоммунистических стран в начале 1990-х гг. были характерны поверхностное усвоение демократической риторики политическими элитами и растерянность массового сознания, противоречиво сочетававшего демократические и авторитарные наклонности: «Скорее можно говорить о выборочном усвоении демократических ценностей. При этом более укорененными оказались те ценности и установки, которые были более органичны национальной культуре» [15, 182].

Идеология первоначально не рассматривалась элитами посткоммунистических стран в качестве необходимого элемента легитимации [17]. Первичное отрицание посткоммунистическими элитами идеологии отражало не триумф деидеологизации, а неприятие прежнего марксистского понимания идеологии и ее роли в политических процессах. Однако по мере выстраивания демократических институтов и продвижения социально-экономических преобразований росла и потребность в идеологии, как в консолидирующем и мобилизующем начале.

Что касается конкретных идеологических пристрастий населения стран Центральной и Восточной Европы в посткоммунистическом обществе, то можно выделить три основные ценностные ориентации: социал-демократическую / коммунистическую (социальная справедливость, равенство людей, признание всеми моральных ценностей, доверие между людьми), консервативную (разделяемые всеми представления о стабильном будущем,

сознание приоритетной принадлежности к народу, согласие большинства с существующей социальной системой, признание традиционных моральных ценностей, доверие к политикам), либеральную (свобода для каждого, самореализация для большинства людей, поддержка демократической системы, сознание принадлежности к Европе, экономическое благополучие) [12, 61].

Если прибавить к этим ориентациям четвертую – радикальную (клерикальные и ультранационалистические установки), то получим более или менее реальную «палитру» идеологических настроений в странах ЦВЕ.

Посткоммунизм 1990-х гг. привел к трансформации партийных систем в странах ЦВЕ. Можно выделить три крупных периода этой трансформации. Первый – период от начала трансформации до распада широких демократических движений и переформирования компартий. В Польше и Чехословакии этот период длился с 1989 по 1991 г., в Венгрии – до 1990 г.

Формирование новой партийности происходило в условиях подготовки к парламентским выборам и противостояния крупнейших политических группировок, занимавших диаметрально противоположные позиции по вопросам государственного устройства и основам общественной жизни.

Не были сформированы идейно-ценностные установки большинства политических субъектов, программы партий отличались эклектичностью. В ходе расширения партийно-идеологического спектра некоторые политические субъекты эволюционировали, перемещаясь с одного фланга на другой.

В этой ситуации большинство партий и движений шли на откровенный площадной популизм. Политические субъекты находились в состоянии поиска прочной социальной базы собственной поддержки.

Второй период характеризуется преодолением нестабильности партийной системы или доминирования одной группировки (1991–1996 гг. – для Чехии, 1991–1997 гг. – для Польши, 1991–1998 гг. – для Словакии).

Доминирование широких демократичес-

ких коалиций сменилось лидерством «Гражданской демократической партии» (ГДП) в Чехии и «Движения за демократическую Словакию» (ДЗДС). В Венгрии отсутствовало явное доминирование одной партии и сложилась двухблоковая относительно равновесная система. Венгерский политолог А. Вебер подчеркивает особенность партотгенеза в Венгрии: здесь, в отличие от других стран региона, никакой роли не играли исторические партии [21, 805-809].

В Польше оформилась партийная система без явного лидерства того или иного политического субъекта, при невозможности заключения длительных межпартийных альянсов и возможности участия в кратковременных альянсах идеологически разнонаправленных объединений.

Этому периоду свойственны проекты «партий власти» – политических субъектов, создаваемых лидерами, располагающими основными ресурсами в сфере исполнительной власти. К числу таких партий можно отнести польский «Беспартийный блок поддержки реформ» (ББПР), «Движение за демократическую Словакию» (ДЗДС), «Словацкий демократический и христианский союз» (СДХС) и чешскую «Гражданскую демократическую партию» (ГДП).

Можно говорить о двух «волнах» партийного строительства сверху. Партии первой волны (ББПР, ДЗДС, ГДП) отличает персонализация. Партия второй волны (СДХС) персонифицирована в меньшей степени, хотя ориентация на лидера остается достаточно значимой для ее электората. «Партии власти», впрочем, создавались не во всех посткоммунистических странах – например, Венгрия их не знает.

Все «партии власти» первоначально вырастали из широких демократических движений, их идеологической основой был антикоммунизм. Вычленение правящей партии сопровождалось ее дрейфом в центр, антикоммунизм постепенно сменялся своеобразным альтеркоммунизмом. Демократы, придя к власти, уже не столько боролись с коммунизмом, сколько пытались сформулировать

какую-нибудь идейную альтернативу. Но ни одной «партии власти» нигде этого сделать не удалось. Партия второй волны, СДХС, формировалась как партия с амбициозными целями, ее основными конкурентами были не коммунисты, а популисты.

Третий период – это время стандартизации политических субъектов, то есть четкого определения структуры, стратегических целей, программ, тактических планов. Он начинается со второй половины 1990-х гг. Содержанием этого процесса исследователь И.И. Жуковский называет замещение экстраординарной политической повестки дня на ординарную [6, 11].

Вместе с тем программы политических партий в странах ЦВЕ не стали и сегодня отражением исторических линий общественного и политического противостояния, равно как не являются выражением интересов тех или иных общественных групп. Для партийных систем характерна определенная нестабильность (особенно в Польше и Словакии), хотя амплитуда раскачивания «политического маятника» постоянно сокращается. «В большинстве посткоммунистических стран ЦВЕ в рамках института многопартийности сложилась фактическая двухполюсная партийная система с одним полюсом в виде движений, блоков, партий социал-демократической направленности и таким же полюсом либерально-демократической направленности...» [4, 11]. Эта тенденция слабее всего выражена в Словакии после свержения меча́ризма. В Польше, Чехии и Венгрии черты стандартных (по структурно-функциональным параметрам) партий в наибольшей степени обрели «традиционные» левые силы.

Некоторые венгерские исследователи полагают, что партийная система Венгрии, как и многих посткоммунистических стран, структурируется в соответствии с тремя политическими осевыми конфликтами.

Первый касается противоречий модернизации: по одну сторону находятся прозападно ориентированные политические силы, по другую – традиционалисты. Вторая линия раскола касается сохранения элементов соци-

алистической экономики: здесь центральным является ценностное противостояние коммунистов и антикоммунистов. Наконец, третья линия раскола определяется политической конъюнктурой и выражается в конкуренции главных политических сил [19, 683-688].

Поскольку в настоящий момент наиболее существенными являются проблемы модернизации, в большинстве стран региона усиливается противостояние консерваторов и либералов.

В странах ЦВЕ наблюдался феномен «выборов разочарования», когда на смену партиям-пионерам демократизации приходят оппозиционные силы. Однако противостояние либерально-демократических и консервативных партий здесь часто подменено конкуренцией посткоммунистических партий со слабой идеологической основой [8, 22]. Пример выборов 2005–2007 гг. в Польше позволяет говорить о феномене «выборов двойного разочарования»: вначале политикой левых – в пользу консерваторов, затем действиями консерваторов – в пользу либералов.

В Чешской Республике на протяжении всего посткоммунистического периода действовал сговор двух крупнейших партий – гражданских демократов и социал-демократов. Этот так называемый «оппозиционный договор», с одной стороны, обеспечивал политическую стабильность, а с другой – способствовал сокращению общественного плюрализма, формированию надменной и алчной политической элиты, политическому отчуждению граждан. Крушение «договора» в 2006 г. привело к досрочным выборам, смятению среди элиты, обострению политической борьбы, которая, впрочем, в очередной раз обошлась без участия граждан.

Осенью 2006 г. кризис доверия разразился и в Венгрии, чья политическая система считалась наиболее устойчивой на всем посткоммунистическом пространстве. После победы на парламентских выборах лидер Венгерской соцпартии (ВСП), премьер-министр Ф. Дьюрчани признался в беседе с однопартийцами, что правительство на протяжении двух лет дезинформировало население об экономичес-

ком положении страны. Однако, несмотря на вспыхнувшие беспорядки в столице, политическая элита удержалась в рамках демократических и плюралистических практик. ВСП потерпела поражение на местных выборах, сохранив контроль над центральным правительством, оппозиция повысила свой рейтинг. Кажется, элитный status quo удалось найти, однако доверие граждан к политическим институтам (в первую очередь к правительству, парламенту и партиям) оказалось серьезно подорвано. Только у 1/5 части венгерских избирателей фиксируется относительно стабильная партийная идентификация.

Политическое поведение определяется протестным голосованием или голосованием с меняющейся ориентацией, а также эмоциональными мотивами вкупе с возрастающим недовольством партиями: «Существует пропасть между выраженной культурно-идеологической политизацией партий и большинством избирателей, настроенных материалистически и государственно-социалистически» [19, 686].

В целом в странах Центральной и Восточной Европы все больше проявляется тенденция к отходу партий и движений от идеологизированных способов решения острых вопросов.

Сравнительно новое понятие в лексиконе посткоммунизма – центризм. С сожалением приходится констатировать, что оно не всегда адекватно понимается не только рядовыми гражданами, но и некоторыми политиками. Под центризмом обычно подразумевают «золотой средний путь», могучую силу, способную объединить нацию, даже почвенничество, отказ от западных моделей развития.

Однако в формате межпартийных коалиций центристам нечего предложить обществу, кроме набора усредненных тезисов правых и левых. Гораздо эффективнее политический центр действует в формате независимых политиков, не связанных партийными обязательствами. Увеличение числа независимых депутатов в парламентах отчасти подтверждает слабость центристских организаций. Кроме того, процесс «стандар-

тизации» существующих партий и движений актуализирует поиск путей межпартийной консолидации. Во всех странах ЦВЕ обнаруживается кризис – не центристской идеи, а скорее центристских объединений.

Новые партии и коалиции, как правило, формируются не на идеологической, а на конъюнктурной основе. Наблюдается компенсаторность – свойство партийной системы возмещать идейно-организационный дефицит на политическом рынке за счет формирования новых политических партий, конъюнктурно отвечающих потребностям избирателей.

Партии-компенсаторы возникают в условиях серьезной деформации партийной системы, дефицита партий, действительно по своим качествам востребованных избирателями. К числу наиболее успешных партий-компенсаторов следует отнести чешскую «Партию зеленых», которая ныне входит в правящую коалицию. Партии-компенсаторы находятся в полной зависимости от внешних факторов, они не способны самостоятельно формировать собственный электорат и могут быть легко маргинализированы в будущем.

Другим последствием посткоммунистического этапа является усиление позиции националистов и популистов. Рассматривая роль национализма в процессе посткоммунистической трансформации, немецкие политологи К. Мюллер и А. Пикель исходят из множественности идеологий национализма, несовпадения представлений о социальном значении национализма на Западе и Востоке [9, 76-88].

Опыт Восточной Европы показал, что в посткоммунистический период трансформирующиеся страны переживают фазу ренационализации. Однако в ЦВЕ, в отличие от балканских и прибалтийских стран, ни либералы, ни националисты не получили решающего преимущества в отношении друг друга. К. Мюллер и А. Пикель объясняют это мощнейшим воздействием внешнего фактора – втягиванием этих государств в процессы европейской интеграции.

Причина роста популизма в ЦВЕ – провал неолиберальной политики начала 1990-х гг., когда реформаторы по-большевистски ло-

мали прежнюю социально-экономическую систему, почти не заботясь о легитимности приватизации, не объясняя гражданам сути предпринимаемых шагов. В некоторых случаях популистские партии выступают как «третья сила» («Альянс нового гражданина» П. Руско в Словакии, «Самооборона» А. Леппера в Польше, «Венгерская партия правды и жизни» И. Чурки).

Популисты часто переносят обсуждение реальных социально-экономических проблем в сферу моральных оценок. Российский историк Я.В. Шимов выделяет районы, служащие базовыми для популистов в разных странах. Например, условная карта электоральных предпочтений граждан Польши совпадает с линиями раздела страны по уровню жизни. Большинство жителей зажиточных западных и центральных регионов поддерживали, к примеру, на выборах 2005 г. либеральную «Гражданскую платформу», в то время как бедный север и восток отдали голоса братьям Качинским. Братислава служила опорой правоцентристских сил, сельские районы и малые города поддерживали «Словацкую национальную партию», популистов «Смера» и партию В. Мечьяра. Социально неблагополучные районы Чехии оказывали поддержку коммунистам.

Еще одним следствием посткоммунизма 1990-х гг. является устойчивое сокращение числа партий и движений во всех странах региона. Вместе с тем ключевая тенденция в сегодняшнем процессе модернизации партийной системы в странах ЦВЕ – устранение любых условий доминирования на политической сцене какой-либо одной партии.

Важным следствием «эпохи посткоммунизма 1990-х гг.» для всех государств региона является чрезмерная партизация политики. Сегодня важные вопросы развития общества решают лишь представители ограниченного круга партий, которые участвуют в осуществлении государственной власти. Там, где оформилась парламентская республика (Чехия, Словакия, Венгрия), партии стали основными участниками политических процессов. В Польше, где сильна

президентская власть, политические партии, будучи важными субъектами, все же не могут претендовать на исключительную роль.

Общественная активность, в основном, концентрируется на борьбе между парламентскими партиями, а другие субъекты политической системы ущемляются или практически исключаются из политической жизни.

В ЦВЕ преобладают движения и партии, недостаточно укорененные в социальном отношении и не вполне определившиеся идейно-политически; они меняют позиции, распадаются, объединяются, вступают в различные коалиции: «Государство парламентской демократии оказывается на стороне партикуляристских, партийных, экономических, а не деловых, общественно-полезных интересов ... гражданин становится заложником и разменной монетой, лишенной права участвовать в принятии решений и возможности влияния на неэффективную растрату общественных средств» [4, 11].

В странах ЦВЕ положение и влияние партийно-политических верхов превзошло границы возможного и допустимого с точки зрения демократической теории. Граждане все более отстраняются от участия в принятии политических решений. Даже тогда, когда они в массовом порядке заявляют о своих позициях, политическая элита старательно пытается облечь такую активность в формы символического участия, переводя протест улиц в бюрократические процедуры, не принимая ответственных решений. Не удивительно, что менее 17% поляков идентифицируют свои взгляды с определенной партией [7, 43].

В других странах региона наблюдается сходная картина. Симптомом чрезмерной партизации выступает стремление элиты уменьшить влияние профсоюзов, общественных организаций и движений. «Приемы, с помощью которых партии способны исказить демократические ценности и процедуры, возможно, никогда не станут полномасштабной угрозой основным демократическим политическим институтам. Но, формируя номинальные или выхолощенные формы демократической жизни, они могут

лишить демократию ее смысла и ценности и поставить серьезные преграды на пути дальнейших демократических реформ» [1, 585].

Нынешняя ситуация – прямое следствие той модели партогенеза, которая была реализована в ЦВЕ. Институты многопартийности оформлялись в соответствии с неолиберальными представлениями революционеров-новаторов посткоммунизма. В 1989 г. Л. Валенса предполагал, что «возникнет 20 политических партий, которые будут спорить по всем вопросам, а через пять лет из них останется четыре».

Многие специалисты отмечали в 1990-х гг, что основным содержанием политической борьбы этого периода является противостояние между наследницей коммунистической партии (которая, в основном, трансформировалась в социал-демократическую партию) и демократической оппозицией (либо партиями, возникшими на осколках некогда единых оппозиционных сил) [18, 7-50].

Под воздействием «посткоммунизма» 1990-х гг. изменилось отношение людей к власти. Она воспринимается как теневая, и это вызвано, вероятно, двумя обстоятельствами: партизацией политики и политическим клиентизмом.

Оба явления существенно сокращают «поле» публичной политики. Деформированное развитие партийных систем способствует узурпации политической сферы узкими элитными (и даже полукриминальными) группировками (Польша, Словакия) и отчуждению от нее граждан. В Венгрии и Чехии наблюдается тот же эффект с единственным отличием – власть партий не ограничивает формирование внепартийных структур гражданского общества.

Некоторыми исследователями клиентизм определяется как проникновение родственных и дружеских отношений в сферу юридически универсальных и безличных правил исполнения обязанностей общественного деятеля. Формы политического клиентизма могут быть самыми разными: персонифицированными, должностными, партийными и т. п.

Общая направленность развития властных отношений воспринимается как попытка

отстранить граждан от участия в принятии сколько-нибудь значимых решений. Наибольшее недовольство вызывает государственная бюрократия. Низкая эффективность, коррумпированность, затягивание решений, неоправданные привилегии раздражают людей, а негативные оценки поставщиков государственных услуг часто переносятся на всю систему государственной власти.

Судя по результатам социологических опросов, пути решения проблемы видятся в усилении общественного контроля за работой чиновников (60,5 %), введении запрета на занятие государственных должностей теми, кто был уличен в коррупции (50,1 %), более тщательном отборе чиновников с учетом образования и квалификации (44,8 %) [11, 82-90].

Можно констатировать, что в странах ЦВЕ существует идеальное представление об оптимальном политическом режиме, который чаще всего определяется как «настоящая демократия». Этот идеализированный режим явно противопоставляется существующему. Граждане, по существу, не могут четко идентифицировать действующую власть, что свидетельствует о ее теневом характере. В целом принимая политико-правовые реалии, люди с большим недоверием относятся к политическим институтам, сомневаясь в том, что они стоят на страже их интересов. Бюрократия нигде не пользуется доверием, а ее эффективность оценивается крайне низко.

Характерное для посткоммунизма на настоящем этапе сокращение арены публичной политики в ЦВЕ имеет разные причины, в основном, связанные с узурпацией власти партиями и элитами. Долгое время элиты стран региона оправдывали изъятия политических процессов целью «возвращения в Европу». Теперь перед ними встала задача поиска своего места на европейской политической сцене.

Одним из последствий «эпохи посткоммунизма 1990-х гг.» в странах Центральной и Восточной Европы является дефицит социальной справедливости. В 1990-е гг. создавалась иллюзия, будто интеграция посткоммунистической Европы в мировую экономику со временем приведет стандарты

жизни восточных европейцев в соответствие со стандартами их западных партнеров, а открытые рынки неизбежно принесут демократию [5, 40-49]. Свободный рынок, а также демократические институты, конструируемые сверху, должны были действовать как средства социальной трансформации.

Общим для стран ЦВЕ являлось то обстоятельство, что высвобождение из-под власти коммунистической идеологии, сопровождалось «разгосударствлением» человека. Это усилило потребность в социальной опеке. Отсюда массовые оценки власти как «своей» в зависимости от того, насколько она проявляет заботу о материальном положении, часто вне зависимости от идеологической ориентации. Например, в Чехии, Словакии, отчасти в Венгрии определенная часть населения, которая в материальном плане вовсе не бедствует, крепко «привязана» к государственным дотациям и субсидиям и четко сориентирована на правящую группу. Впрочем, граждане стран ЦВЕ не желают возвращения к полной зависимости от государства, что подтверждает теорию потребностей А. Маслоу [20]. В большей степени они заинтересованы в социальной сплоченности.

Общей особенностью восприятия населением власти являются завышенные ожидания. В первую очередь это относится к сохранению социальных гарантий времен «реального социализма». В странах, где от эффективности социальной политики зависит немалая часть населения, ориентация на власть заметнее, чем в странах с более либеральной экономикой (Польша). В целом в странах ЦВЕ уже сформировался спрос на социальную справедливость.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Брониславский Е., Вачнадзе Г.Н. Польский диалог. – Тбилиси, 1990.
2. Васович В. Переход к демократии в посткоммунистических странах (парадоксы перехода-демократизации) // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. – 1998. – № 2.
3. Вязовик Т.П. Специфика легитимации российской государственной власти в контексте модернизационных процессов // Политическая теория, язык и идеология / Отв. ред. Н.А. Романович. – М., 2008.
4. Демократизация и парламентаризм в Восточной Европе: Монография / Отв. ред. Игрицкий Ю.И. – М.: ИНИОН РАН, 2003.
5. Дуткевич П. Асимметричная власть, ересь и посткоммунизм: несколько мыслей // Политическая экспертиза. – 2006. – № 4.
6. Жуковский И.И. К проблеме преодоления посткоммунистического характера партийной системы // Человек и власть в современной России. – Вып. 8. – Саратов, 2006.
7. Кисс Э. Искажают ли партии демократию? // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. – 1996. – № 2(15).
8. Мельвиль А.Ю. Демократические транзиты. – М., 1999.
9. Мюллер К., Пикель А. Многообразие национализма в посткоммунистической Восточной Европе // Восточноевропейские исследования. – 2007. – № 6.
10. Стоянович С. Посткоммунизм: противоречия между демократией и капитализмом // Политические исследования. – 1996. – № 1.
11. Сурманек Ш. Условия развития и характер демократической консолидации в Словакии // Восточноевропейские исследования. – 2006. – № 3.
12. Тучек М. Сплоченность общества в чешском восприятии // Восточноевропейские исследования. – 2006. – № 3.
13. Фишман Л. Политический миф и идеология: «опасное сближение»? // Политические исследования. – 2006. – № 4.
14. Шестов Н.И. Политический миф теперь и прежде. – Саратов, 2003.
15. Шестопал Е. Взаимоотношения граждан и власти в ходе демократического транзита в России. Теоретические проблемы // Логос. – 2003. – № 4-5 (39).
16. Яжборовская И. Политологические подходы к проблематике трансформации общественного устройства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы // Международный исторический журнал. – 2000. – № 7.
17. Easton D. A System Analysis of Political Life. N.Y., 1965.
18. Kitschelt H. The Formation of Party Systems in East Central Europe // Politics and Society. – 1992. – № 20 (1).
19. Markus D. Wahlen, Parteien und Konfliktlinien in Ungarn // Neue Gesellschaft. – 1998. – № 8.
20. Maslow A. The Father Reaches of Human Nature. – N.Y., 1971.
21. Weber A. Der Rechtstextremismus ist eine Folge des Systemwandels // Neue Gesellschaft. – 1999. – № 9.